

Баркулабаўскі летапіс

Сейм великий был у Берести лета бож[ого] нарож[еня] 1545, на котором сейме был король его милость полский, великий князь литовский Жикгимонт Казимерович з королевою Бонею и с королевнами. А при его милости сын его милости господарь наш другой, крол полский Жикгимонт-Август, и с королевою своею Алжбетою, дочкою короля ческаго и римскаго Фирдынанда. При которых на сейме при их милости обоих королех много было бискупов, панов-рад, панове-рада Великого князства, панята и вся шляхта хоруговная, и вси рыцерства всіх землей и княжества Литовскаго, так же было множество людей на том сейму, иж на обе стороны около Берестя на колконадцать мил стояли. А при их милостех обоих королех на том сейме Берестейском много было послов яко от християнских господарей, также и от бесурменских, а был тот сейм у Берести так много – от святого Петра и Павла аж до святого Архагела Михаила. С того сейму Берестейского его милость господарь наш крол Жикгимонт-Август и зъ королевою Алжбетою поехал до Вилни и взял его милость у свою справу все великое Литовское панство, Руское и Жомоицкое отца его милости Жикгимонт Старый, корол. Того ж сейму Берестейскаго, на котором сейме их милость кролеве обадва были, князь Семен Глебович Пронский принял веру римскую, а назван Фридрихом; на тот час дано ему воеводство Киевскoe.

Могилев

За господаря кроля Жикгимонта, за митрополита Иону, за владыку полоцкого пана Хребтовича, за держанем пана Страфия Воловича, за старосту его

пана Баркулаба Корсака, а пан Иван Чорный был городничим. А место Могилев засели люди прихожие на Леткове, к Печерску идучи, то вотчики – Сухоч, Бутак Андросович, около места прихожие люди селяне с Княжич, з Головчина, з сел многих; которые сели за Дубровною, то буйничане и голынчане селяне, также и з Радивонкович. Бо первой было село Радивонковичи, а потом Буйниччи – старые села, давние; а которые сели на слободе на Гривце на берегу около Кощоваго, коло Десятиныя, продки их з Смоленска пришлые смоляне, то ест Гаврило Дристун, Иван Беляй, Максим и иных много, также Овтушко Богатый, – тые вси з Смоленска пришли. Лета 1526 болший замок зароблен и принято много горы Могилы, на которой теперя замок Могилев стоит; по горце Могиле назван Могилев. Почавши од Днепра, идучи подле Дубровны, аж и за Печерское на гетой стороне кгрунты, то все Буйницкое было, а Буйнич село княженье возможное держало: князь Крошинский, князь Мосалский, пан Баркулаб, пан Солтан, пан Филон и иных панов [много].

Полтеск

На запусты великие мясные князь Иван Василевич московский, царь восточный, град славный великий Полоцок взял под кролем Августом, року 1563.

Баркалабов

По взятии Полоцком за господаря короля Августа, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Варсанофия Валоха, за ласкою господаря кроля, за великие почтственные послуги, за сильное горловане, за

нелютование здоровья, и нежаловане маєтности у справе рыцерской военной его милости пана Баркулаба Ивановича Корсака, ротмистра и старосту дисенского, на лесе глухом, на кгрунте лесном, на вроцищу, прозываемом Брус, закликавши на волю и давши слободы год дванадцать людем прихожим, за волею божиєю и за благословенством людей духовных заложил замок именем своим Баркулабов року 1564.

Также сооружил храм Святаго Духа а другой престол Рожество господа нашего Иисуса Христа и посветил его року 1568. За владыку Варсанофия, за митрополита Иону, року 1568, за кроля Августа, за пана Баркулаба и за врядника его Раковскаго села Вендорож, Куты, Ловечы, Будища людми прихожими засадили, а потом в том же Вендорожи року 1586 во великий пост церков святаго Покрова сооружена и попу Вендорожскому его милость князь Богдан Соломерецкий тую церков отдал, бо тая была первой парафея Баркулабская, парафея отца Алексея Гавриловича Мстиславца, отца Феодора Филипповича Могилевца.

Року 1570. Владыка полоцкий Варсанофий Валах переставился; у месте Могилеве поховано, албо погребено его через пана Филона у святаго Спаса в Могилеве.

Того ж року 1570 священника Куренского совершено на владычество Полоцкое именем Феофана.

Року 1576. Наехал, албо взято Стефана Батуру, княжа семикгродское, на кролевство Полскное. Тот господарь король Стефан Батура, княжа семикгродское, праве был человек побожный, рыцерский, военный, щасливый, правдивый, правый. Того ж року корону принял, а Гендрік король с кролевства Полскаго угек до своее земли.

На початку от него новый календар украдоватися почал; прето немного лет и на свете мешкал.

Пан Баркулаб Иванович Корсак, староста дисенский и ротмистр кролевский, войт дисенский, рыцер и военник добрий, славный, замок Дисну, замок Вороничи, замок Леплю, замок Чашники – тые вси замки по взятию Полоцком веспол с паном Романом Ходкевичом сами и з своим людом позакладали и места поосажали людми добрыми. А потом року 1576, месяца августа 20 дня в понеделок у вечере, дву годин в夜里, пан Баркулаб переставился на старостве Дисенском в замку Дисенке, а погребено честно тело его у месте Виленском у церкви Святыя Пречистыя Богородицы.

Року 1578, месяца генвара 2 на Стретение Господне князь Януш Чортгийский панну Евву Баркулабовну, дочку пана Баркулабову, в стан малженский за себе взял. Того ж року 1578 на святой недели у во второк о полудни матка пана Баркулабова у Баркулабове переставилася, пани Маря Кгитовтовна, городничая полоцкая, а поховано албо погребено тело ее милости у Могилеве Святаго Спаса у притворе.

Року 1579. Господарь король Стефан Батура, кроль полский, княжа седмикгородское, под князем великим московским, князем Иваном Василевичом, Полтеск замок взял с поляцми и литвою.

Москва Могилев выжгла в Петров пост.

Року 1580. Господарь кроль Стефан был под Псковом и взял город Псков, а москва, то ест Серебреный, з немалым войском, место славное Могилев выжог; там же у краи Шклов, Копысу, села велми выпустошили, такъже и около Могилева. На

Орши и до Радомля, Мстиславля тых замков не подходила ани рушила; а в Боркулабове князь Чарторийский Иван з войском своим на тот час был, так теж и Темрюк со тристами войска татарского при нем был у Боркулабове, на тот час и сторожу у Новоселках московскую поймали; а потом Темрюк и князь Чарторийский князь Иван, взявши ведомость певную от сторожи московское, которую поимали у Новоселках, то есть на имя Ивана, и князь Иван Чарторийский заехал от Шупень, дорогою великою Шкловскою до Могилева тягнул, а москва под местом Могилевом места жгут, а Темрюк з Боркулабова дорогою Могилевскою на Задубровеня до замку Могилева з войском притягнул, а войско литовское у Шклове стояло. Тепер же от Могилева почали отпирати с трех сторон: Чарторийский от Шупень, Темрюк з Баркулабова, войско литовское з Копыси и з Шклова. Москву от Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было трупу московского гледѣти, реку Днепр силным трупом язовища загородили, иж колко недель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали, дя великого гнюсу трупу московского.

Року 1579. Пан Андрей Гудовский, урядник баркулабовский, собравши войско немалое, пешого и конного люду триста с паном Филоном и з его милостью князем Богданом Соломерецким, старостою кричевским, а надо всими тыми войсками люду учтивого яко шесть тисечей пан Андрей Гудовский гетманом был; под Смоленском и Рославлем так места выжгли, волости, села попустошили; под замком Смоленским можно и охотне штурм мели, только не дал им господъ бог его достати, албо выняти; з ласки божьо з добычею великою до домов своих здоровы з доброю славою приехали.

Лист от послов князя великого московского.

Божею милостю царя и великого князя Ивана Василевича всея Руси, володимерского, московского, новгородского, казанского, царя витариханского, господаря псковского, и великого князя смоленского, тверского, югорского, тримского, вядского, болгарского и иных многих – Стефану, божиею милостю, королю полскому и великому князю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому, мазовецкому, княжати семигродскому. Што первой сего по взятию Полоцка зсылалися наши бояре с твоими паны понеоднокрот, и ты о то[м] нам явно знати не дал, и писал еси во своих листех и паны твои заводнем и мудрыми речами писали, и того было явне зрозумети нелзе; што по прожнем обычаю послов своих слати не хотели есте, и мы к тебе послали послов своих, а ты приказал к нам нашим дворянином Григорием Афанасовичом Нащокиным рок, а к тому року нашим послом поспеть невозможно было. И мы к тебе послов своих отпустили, а наперед послов своих послали есмо к тебе гонца Федора Шимшарова з листом, жебы ты а наших послов з войском почекал, и ты к нам гонца своего отпустил еси, а сам еси не вернулся, идеш на конец землю з войском, а послом нашим росказали еси к себе ити наспех, прагнучи кров християнскую и хотячи видячи крови розлияния во християнстве, и написал еси у своих листех, штобы нам своими послы приказати вси слова и нам почему погинути, што тебе мило, албо любо, а от тебе не слышавши, албо которое уставиш новое дело, чemu ся стать нелзе, и мы перед богом и перед тобою змирячися, послом своим к тебе ити росказали и на которой мере.

Року 1583, месяца септеврия 8 дня. Его милость князь Богдан Соломерецкий, староста кричевский и луцкий, приехавши з войска з службы з двору его

кр[олевское] милости с под Пскова, по взятию, панну Евву Баркулабовну, старостянку дисенскую, у стан малженский за себе взял, а веселе было у месте Виленском.

Того ж року 1585. У пост Филипов у пущи Сидоровской его милость князь Богдан Соломерецкий побил лосей десять великих, а вепров диких великих осмъ, где тепер село Сутоки и Махова.

Того ж року Василем Сескович з уряду зъехал, а пан Роман Ревут на вряд Баркулабовский наехал.

Того ж року 83, праве о светом Петре албо на самый день Петра и Павла светаго, у Головчине робили, пруд сыпалы. Яко бы о полудни у месте Головчине у брони Остроговой силный и великий гром забил 12 человек, а трех человек не знали, не ведет где ся подели, если вода занесла албо песок засыпал.

Того ж року многа множества страшных и великих чудес господь бог окажати рачил: перуны и грады великия, сухость, морозы маль не через все лето были у Литве. От великого морозу на поля у колосы жито посхло, многия domы панов зацных от перунов великих погорели, зиме з морозов и метелицы по дорогам многое множество людей убогих, также и купецких померло. А лете великий жар был: жито, яри, трава, такъже ярины огородныя все погорело у Литве, а звлаща около Минска, около Виля. Люди убогия з хлеба на Русь давалися – молодцы, жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило.

Року божого нарож[еня] 1584. Великий князь Иван Васильевич первой сына своего Федора посохом пробил, а потом сам и сын его старший умерли.

Року 1599. Стефан Васильевич Годунов на царство Московское коронован. На весне великая вода была у Смоленску, у замку швырен зрыла, ставов, прудов многое попсовало.

Року 1585. О семой суботе Хомутовский, врядник пана Любелского, села Гарбовичи, Хотетов, Следники и Струпищи, Заболотя, Батуния и иных много сел побрал за пана Любелского держаня, а первой была волость замку Могилевского.

Року 1586. Веснъ у великий пост пан Михайло Гарабурда послом на Москву ходил. Оттолъ вывз примиря на год двадцать, а мешкал на Москве аж до семое суботы, а приехавши у Литве умер. Того ж року на святаго Юря мороз, а снег у колена выпал. Тогда на Фом[иной] недели люди овсы, ячмени сеяли, а пред се был урожай добрый. Того ж року пан Любенский и пан троцкий умер, а пану Лву Сапезе волость пана Любелского досталася.

Року 1583 календар новый выдан. За кроля Стефана, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Терлецкого ляха, бо перед тым был ротмистром, а век свой зжил. На тот же час было великое замещание промежи панами и промеж людми духовными, также и людми простыми было плачу великого, нареканя силнаго, похвалки, посварки, забуйство, грабежи, заклинания, видячи, яко новые свята установляли, праздники отменяли, купцом торги албо ярмарки поотменяли, праве было начало пристыя антихристова, у таком великом замешанью. Того ж часу почали у во Лвове, у месте Виленском, у Берестю школы науку выдавать, братерство якоесь установляти и тым закон и веру утвержжати, за патриархи не кажут бога просити, ани его успоминати, толко за папежа; тепер же почали сеймы – соборы чинити и до них из[ъ]ежчатися.

Року 1586, месяца июля. На святаго Бориса и Глеба в месте Могилевском церков святыя Богородицы сооружена и через владыку посвечона. Того ж року, 86, было посту Петрова 5 недель. Того року ячмень, овес сеяли на десятой недели, пред се

был урожай великий, добрый: жита мера была грошей по 14, а чверть жита по грошей полчварты.

Того ж року 86, о Святом Духу на Москву ехал и на Орши был Еремея, патриарха Антиохийский, з своеем земли до Москвы ехал рок; тогда на дорозе в него вси слуги отмерли, а мовил языком антиохийским.

Року 1586, месяца декабря 4 дня часа 9 о полудни, великий король полскии Стефан Батура, княжа Семигродское, переставился, а поховано у Krakowе.

Року божого нарож[еня] 1588 взято на кролевство Полское кролем кролевича швецкаго.

Року 1587. Зима была велми снежная, морозы сильные, метелицы великие, также и весна велми неуставична была: редкий день минул без снегу, аж до святого Юрья, а Юрей святый был 2 недели по святе; а потом на четвертой недели по святе в ночи были немилостивые страхи: великие дожды кгвалтовные дома подрывали, верхи позносили, яко через всю тую ночь не засыпали люде, по полям у пастухов статки градом побило, а в лесе деревем, у князя Головчинского много стир[т] з житом перун пожог, по селам статки мало не вси побив град по полям.

Того ж року 87 на весне пшеницы переводни сеяли на 5 недели, ярицы на 7, овсы, ячмени на 8 и на девятой, але не увошли от великих морозов; еще с первое Святыя Пречистыя почалися; гречихи не косили, а хотя кто и косил, немного пожитку мел. Того року жита жали по Покрову Святыя Богородицы, овсы и ячмени жали на 3 недели по Покрове. Тот рок 87 велми был на все згола незрожайный и голодный.

Року божого нарожения 1587, месяца июня 7 дня. Послы шли московские до Варшава кроля обирати на кролевство Полское по смерти кроля

Стефана: боярин и наместник коломенский, великоперимъский Стефан Василиевич Годунов, боярин и намесник коломенский Феодор Михайлович Троекуров ярославский, печатник и ближний дияк господарский Василей Яковлевич Щолканов, думный дияк Дружина Паньгелеев Петелин. На том же сейму Варшавском ничего доброго не усеймовали, бо межи панами была великая незгода: поляки вотовали на Максимилиана, цесаря християнского, литва вотовала на князя московского, кроловая вотовала на кроловича шведцкого, и затым роз[ъ]ехалися, не постановивши ничего доброго. На том же зъезде было немилостивые посварки и забойства, выличили на том сейме невинне забитых семъсот голов. Были теж на том сейму з многих и далеких земль, то есть от царя турецкого, от князя московского Ивана Василевича, от Максимилияна, цесаря християнского, от кроля шведского; всих тых было з розных украин послов двадцать. Конвакация септебря 20 дня: пана Кишку послали послы по кроловича шведского Жикгимонта Третего, с которым кроловая сама послала двору своего выбраного люду коней пятсот.

Року божого нарож[еня] 1588. Взято на кроловство Полскoe кроловича шведскаго Жикгимонта Третего, а короновано у Кракове на Вознесение Христово. Того ж часу и тело кроля Стефана поховано.

Прето што ся почнет не з благословенства божого и старших панов, господарей наших, а за призволеньем белых голов, не много господь бог помогает и грады множит, албо покой дарует. Теперь же за держаня кроля пана нашего Жикгимонта Третего явилася промеж панами великая немилость, показалося отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболей на веру кафолическую, на веру християнскую; оставивши голову Христа спасителя нашего, показуют и

становяг на то местце старшим головою Петра и на светшаго папежа. Были войны розные великие з Ікгимилем волоским, з кролем шведским, с козаками запорозкими, праве згола яко бы мало не пуста земля была. Такъже у збожью неурожай, голоды великие, доро[го]в сильная, поветрие, моры, лета непогодныя незрожайныя, праве на все недобро и неспоро было стало.

Року 1587, месяца октября 1 дня. За Жикгимонта Третего, за владыку полоцкого Феофана, за митрополита Девочку, на Вендорожи посвящено храм Покров Святыя Богородицы через Федора Филиповича, священника баркулабовского, за благословением Феофана, владыки полоцкого.

Лет две тисечи без закону пред потопом. Лет две тисечи зъ законом со обрезанием. Лет две тисечи зъ евангелием, то есть християнство.

Року 1588. После Петра святаго был на Орши патриарха цариградский именем; тот на Москву ехал до князя Федора Ивановича, а з ним три владыки, всих было при нем коней 50. Тот бо на собор до места Виленского листы писал до митрополита и до всих епископов.

Того ж року 88 у месте Виленском там у тых краях, такъже у Киеве и на многих странах великий мор был. Того ж року 88, от семое суботы аж до Рожства Христова велми великая была непогода и неуставичность: в лете дожду не было, а у восень снегу не было, только вѣгры а дожды, у восень о святом Покрове велми поводок великий был, аж по лугом пошла, праве яко на весне велика была, а до Рожства Христова у Днепре вода прибывала и з берегов выливалася.

Року того ж 88, месяца генвара 18, после святаго Афанасия на третий день дожды великие были, аж снег согнало, праве было яко не веснъ: пастухи на

бор с статками погналися на паству, а потом за недель три знову зима лютая.

Того ж року архиепископ Феофан, владыка полоцкий, господин благоверный, у Полоцку преставился; там же погребено тело его честно.

Того ж року 88 совершено на владычество Полоцкое Афанасия Терлецкого, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Михаила Рагозу.

Року того ж от господаря кроля выслано напервей до Орши енералы, то ест над дванадцати возными один енерал местце старшое маєт, Богдан Биряленок, яко ж пред тым у тых краях не бывало.

Року 1589, месяца мая 30 дня. По запустах святаго. Петра и Павла у пятницу ее милость кнежна Богдановая Соломерецкая, княгиня Евдокия Баркулабовна Корсаковна, у замку Кричевском за староства князя малжонка своего породила сына именем Исакия Долматского по прозвищу князь Богдан, а крестил его старец убогий.

Того ж року 89, пан Кгрикгор Вилянт у закупе Баркулабов держал год три; он уволоки меския роздавал. Тот рок 1590, яко в лете сухость, так зиме морозы сильные великие; было так, иж ляда у восень падили.

Року 1590. Были козаки запорозкие, Матюша с полком, Голый с полком у Могилеве. Аж до Минска приставъство по волостях брали, а кривды, шкоды не чинили, только жонок охочих тых намовляли и заклинали, абы з ними на Низ ишли, и взяли з собою жонок и девок яко двесте поголов.

Року 1592 о мясопустах, его милость князь Богдан Соломерецкий, староста кричовский и олучицкий, Буйничы, Чайки откупил и у волоки поволочив, а пред тым было многих разных панов – князей Соколенских, князей Мосалских, князей Крашинских, пана Филона и далей.

Того ж року 92. Его милость князь Богдан Соломерецкий, староста кричевский и олучицкий, слободы осадил, село Махова и Сутоки.

Того ж року 92 сталося великое и немилостивое замешане у вере от римлян на святую веру восточную греческую; почали соборы помесные чинити, то ест у месте Виленском братство навчоных людей до себе на поратунок прибавили з места Лвовского Григория Раготинца, Стефана Зизания. Тыя силную и великую войну з рымляны мевали, не только на ратушах и при рынке, по дорогах, но и посредку церкви святое войну, погарчку великую мевали, якож им господъ бог противу их упоров великих и змышленых уставов и законов николи не помог и не поможет. Теперь же почали от господаря кроля до архиепископов с прозбами и грозбами листы фалшивые писати и посыпали по всих градех.

Року 1590, месяца июня 29. У Берестю Литовском на Рождество Иоанна Предтечи был собор, за митрополита Рагозу, а за владыку полоцкого Терлецкого, нижли на том зъезде ничего доброго не вчинили, на который собор и его милость князь Богдан, староста кричевский и олучицкий посыпал попа своего баркулабовского Федора Филиповича.

Року 1592. Жикимонт Третий, божею милостю король полский, великий князь литовский, руский, пруский, жамоицкий, мазовецкий, инфлянтский, крлевства Шведскаго наближний дедич и пришльй. Ознаймуем тым нашим листом всем послопите, каждому зособна, кому бы новин ведаги належало, нинешним и напотом будучим. Иж мы, господарь, видячи быти прихильных ку поровнаню у вере святой архиепископов релии греческое Ипатия, луцкого епископа, лвовского и холмского, которые до нас, господаря, с тым прислали, хотячи под зверхность и благословенство одного пастыря светейшаго отца нашего папежа римскаго быти, ему старшенство и

зверхность признати, заховавши в себе вцале вси справы и церемонии в целости во церквах божиих. Што мы, господарь, видячи пред ся взяте их погребно до речей збавенныхых, то от них з вдячностию приймуем. А иж бы за таковую хуть свою ласки нашее господарское были вдячны и певны, тогды то им тым листом нашим, привилеем, им самым и их потомком, по них всих епископом, презвитерем и всему епископству церкви восточныя римская варуем и упевнем и словом нашим господарским прирекаем и обещуем, сами з себе и з яснейшими потомствы нашими кролевства Полского, иж хотя бы на тых речоных епископов подати и листу привиля нашего от патриархов и митрополитов, яких же колвек причин ку неблагословенству были на них винайдования, клятвы выношены и выдаваны, иж то им, епископом самым и всему духовенству их намней николи ни в чом шкодити не маєт. Обещуем и словом нашим кролевским для вшелякого оскаржения и клятвы и отглашенья, бы и добре противу станом их водлуг справ духовных и светских было для всих причин каковых духовенство владычествъ, на которых оны мешкают з данины продков их и от нас, того от них не отаймовати, и при их животах и нашим особом не давати, але их заховуем вцале, с примноженьем ласки нашея и вывышеньем учтивости во упокою на тых владычествахъ, яко верных подданых и богомолцов наших, поки остатнаго живота их ставати будет. И еще на тое им каждому, кто бы ся до таковое единости порядку прихилили, свободы, волности по тому ж, яко их милость духовные римские мають, также и они мають и будуть мети, што мы обещуем еще инишими привилеями нашими им надавати с примноженьем ласки нашея господарский. А то все обещуем мы, господарь, за нас и за потомки наши тым помененным епископом, Кириле Терлецкому, владыще луцкому;

Гедиону Болобану, владыче лвовскому; Леонтию Пелчицкому, владыче пинскому; Дионисию Збаражьскому, владыче холмскому; Гермогену, владыче полоцкому, вцале держати до их животов. И на твердость тое речи дали есмо им сесь наш лист, привиле, подписавшия рукою нашою королевскою, до которого печать нашу коронную притиснути есмо велели. Писан в Кракове, месяца марта 11 дня, року 1592.

**Был сенод у Берестю року 1593, месяца
октовория 16.**

Так се деяло на день зъезду зложеною октябру по старому, а 16 по новому. Сходилися духовенства и рыцерства послы и панове засесть, и духовенства до господы княжати его милости воеводы киевского, до каменицы пана Раского, отколь посылали до митрополита двох особ от духовных, а двох с кола рыцерского, ознаймуючи, иж се зъехали на сенод, абы ознаймил местце, на которое бы ся сходили з ними для намов, тому часови належачих. Он отказал, иж еще не намовилися о местцу, але до заутрешнего дня четверга 7 октября отложил. И прибита была карта от него в церкви соборъной мурованой, там местце схоженю ознаймуючи. В том часе мел быти ему дан позов духовный от отца Никифора, ексарха, посланого на то от Гаврилия, патриархи Костентинопольского, абы перед ним становился назаутрее для усправедливеня в таковых выступках, в чом будучи от когось перестерожоный, митрополит и владыка крылися у господе ксендза бискупа луцкого. Того дня не рано, у середу, прибыл до Берестя его милость пан воевода троцкий, и зараз был у его милости княжати воеводы киевского, который повѣдил, иж ест послове от его крол[евское]

м[и]л[ости] на тот сенод зъ его милостю паном канцлером и паном подскарбым, которых же немаш, абы се тым его мил[ость] не ображал. Тую обмову его милостъ кгды княжа в коле поведил, тым вси были ображени людским повоженьем, же их милостъ знати не дають и не давали, и стерегли упльнене ся часу съиноду. Съинод зачали того дня. На самым року маршалка обрали духовные, также поселств скилку поветов слухали. У четверг заседали княжа воевода киевский и з съином княжатем, воеводою волынским, велми рано на свитанью до его м[и]л[ости] пана воеводы троцкого, а были там годин зекгаровых болш пятни под полуудень. В тым приехал пан канцлер с подскарбим и шли просто до воеводы троцкого, где и князя застали и знову только ж час не малый сами стравили. От себе слали послов до митрополита, шесть особ с кола рыщерского, б особ духовных, б послов з места, давши до него мовене и на писме доложивши в нем, абы часу не зволочил, а з ними сышолься и намовил. Кгды ж тот зъезд только народу рускому зложон, дознавши его быть, и тых владыков отщепенцами оных за пастыров не мети, а иных обрать, а их зложить старатисе будут, если о собе справы певное не дадут публице, если при старой вере и благословенстве патриарха стоят.

Тых послов поткало княжа, – вжо ехали до митрополита. Тые послы митрополита зостали вже в панов сенаторов менovanых, которому кгды так поселство веселое прочитали, просили о щедулу тую; одно ей им не дано. Тые вси прошли от митрополита без отказу, обещающи своих послать, яко зараз и прислали, пана Прецвица, кашгаяна каменецкого, пана Шуйского, третьего каменицкого инстиктгата. Тые до княжати его милости широкими словы реч учынили о том поселстве, иж в то з господы в[ашей] м[илости] ровне яко отповедь, або декрет яким был послан до митрополита, ображаючисе тым о то, иж

им того там писма не зоставили, кгды ж они головного по того зъезде местце его кр[олевское] милости поведаочисе быть конклюзии онай, одное справы без их милости быти не могла. Княжа учинил обмову, иж там был у их м[и]л[ости], однак держачи то от их м[и]л[ости] всих, же што колвек чинили, то бачне чиним и при них стоит и стояти будет; потом розвелися троха з речу до плачу, же се то они ничым ображають: «Мы вси маєм ся тым ображати от тых здрайцов наших, которые то наварили, и от тых, кто им того помагает, вжды терпливе зносячи явную крывиду, на бога помсту и оборону положив». Потом поведил пан Гулевич, человек досьить добре // 1480б. годный, маршалок обраный, иж [не] княжа его милость, але мы вси послали, а княжа его м[и]л[ость] ест яко одна персона. Если их милость и оные послы поведели, жех мы не до вас посланы, але до их милостей княжат, а до новокрщенцов и еивангеликов, не мем жадное справы. На тот час где они будут, там ничего слушного постановлено быть не может. Он теж поведал: «Я теж вас не прошу, абысте який отказ чинили от мене». Княжа теж оповедаочисе вобец, же ничего без них в той справе чинити и мовить без их милостей не хочет. Потом по малой хвиле прислали их милость, же сами хотут быти у княжати. И приехал пан воевода троцкий, пан канцлер, пан подканцлерий и шли на упокой до княжати. По годинъ мают быть у княжати, прислав до кола, иж хотут их милость быти у в[ашей] м[илости], а то вже было смеркшиисе; чекали на них килка годин. В том образившисе тым вси, иж так долго на них чекают, кгды ж не вем, о чом намовы сами з собою чинят: где идет о всих нас и сумненя нашого. Приrekши у пятницу о 14 године зъехалисе и речи зача[ты] кончити и разъехалисе, а гурмом з нареканьем. И то могли сенаторове слышать добре, бо были окна на улицу, а гук немалый тижбы людей. На

завтре в пятницу по мене прислав пан подскарбий и иных собрав до себе, тамже напоминал: а што ведать, якую с того потеху, обецуочы на потомные часы, ведучы до згоды; чого аниколи в нас не мог зеднати з отказу, же мы не хочем быть таковыми, яко там тые отщепенцы. Он мне отказал: «В[аша] м[илость] не смееш пана воеводы смоленского». И натом заплатил, жем не от его милости приехал, але сам от себе. Потом ехалисмы до кола, до братии. Там же была инструкция поселств, читаных зо всих земль и поветов земли Волынское, с Подоля, с Подгоря, з Руси, из Литвы, зе Лвова, с Киева, с Премышля, с Пинска, же много их плачом были порушони, у послов самых привилев браты их; указано, колко постановеных порядков патриархи Костентинопольского, а по тым часе от к[о]р[олей] их м[и]л[остей] конфърмованых доводов. За се на писме, што ведят, як много указалосе на митрополита, як писал до людей листов заштытых и отвористых, успевняючи их, иж не ведает, ани мыслит о том отщепенстве. За тым реченье мовены были, не быти им послушным, от духовных. Теж декрет на писме был наготован, коли пан каменецкий и з ним княжа воевода волынский от панов послов его крол[евское] милости, абы с кола рыцерского было высажено депутатов чтыри, а з духовных чтыри. Также много ани своих не ведаочы, иж до добрых речей хотут се зносит, до чого далися намовити, еднак не инде и на иншом месте, одно тамъже, гдесмы заседали; в другой избе варовавши собе тож, абы их депутаты в жадную се реч без ведомости всего кола не вдавалися; але поданые от них слышавши до кола принесли. Там панове сенагарове дали невинне нашим латине. А потом скоро казанье вчынил на две године княжа. Наши килку посланцов слали, зовучи своих до себе, што обачивши сенагарове казали му кончить. И пришли наши. Тож штосмы разумели, принесли нам, иж

хочут згоды, абы папежа головою признати, календар приняти. На то себе не дали наши реч ани слова, отказали до них через пана Древинского и пана писара володимерского, иж на то зеволити не могут з многих причин. На тот час, аж не всим порадком тако верячы и неслушным поступком зачалися о направы в речах духовных, с так малою частю людей духовных, ничего становити не могут; але папеж нехай с патриархами о том намовит, або порозумене вчинивши сенод зложат и о том становят, а мы без старших своих духовных о том и мыслити не хочем. Тыи принесли орацы до них, жалосно учинено, упорными зовучы. За тым декрет от того наместника патриархового оферован. В том ночь зашла. В суботу скроосьмы се зешли до кола, декрет патриаршый и проклятство на митрополита и владыки было по руску чытано, переложено з кгрецкого, барзо словы пиенкными и досыть жалосными. В том пан канцлер литовский прислав до мещан виленских, зовучи от их до себе, которые пойти не хотели до их згоды. Тот же им отповедал, иж того з жalem и со клопотом уживете, – што они светчили в коле.

Пан маршалок теж наш усказал до пана канцлера, иж есте, панове литва, стратили, – тым преводим не мало панства до Польши. В том зараз от пана канцлера и от пана подскарбего пришли до княжати воеводы киевского инъстикгагор каменский с килку слуг их, припоручаючи у тридесети тисечей золотых оного екзарха посла патриаршеского, зовучы его шпекгом з Бельгор[ода] и до того Стефана и попов зовучы их выволанцами. На што княжа им отказал, иж не только ве тридесети тисечей золотых, але и в килкукроть сто тисечей приймую и на сейме их становити будут, а там се откажет, если то слушне, выдают выволане на людей невинных; а хто слушне заслужил, на того не выдают; а коли колко был. А вказувано на то и грека, тот отец Никифор Азар

Протасый, сей яко бы первоседалник по патриарсе, пытали, что то за кголк; поведал му по грецку, иж его припоручают. И встав на лаве, упросивши, поведил, иж тот сам здрайца, хто мене здрайцою подоймовает. Духовный, жены, детей ни маш, абых се мел того подоймовать для набытия маєтности, але и свое остралдал для имени христова; але тые сами суть здрайцами, иж крадут християн, подмовляют, розные причины найдают. И вказал привилей свой всих четырех патриарху посланныя его в тот край зо всякою моцью, яко бы сам патриарх был доброволного приеханья на сейме, обещающи се ставити, яко и станет. Такъже княжа его милость, жалем будучы порушоный, вказал до пана канцлера и до пана подскарбего, иж нехай королем его милостю не грозят, бо он весть, яко повинность и веру пану своему хова, и его фамилия старожитна, не новотна; але нехай их милость мовят, мне грозят сами собою; если што мают до мене, ставлюся их милости всюды, где ми кажут. Потом прислали князя Шуйского и з другим якимсь лешком, иж в нас згода доходит в костеле, если воля в[ашей] м[илости] быть там з собою помоч быти. Поведил, же зараз пошли. Десять человек с кола рыцерского, десять особ духовных, десять послов мещан выправлено, або протестацыи осветченье вчинили, на то не зеволят. И возные были з княжатем, и енералов килка, которые кгды приехали до костела, там их до фортуки гайдуки пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили; они теж ехали назад з великою жалостю. А то было в суботу вже не рано. Того дня княжа воевода волынский, волынцов и подолян мело быть не мало у пана подскарбего на обеде, и не были там, будучи тым барзо ображоны. Протестацыи не принято в замку н'яких наших. Митрополита и владыков праве кгвалтом, слыше, примушано до присяги. Они просили для бога на отложенье до

сейму, але арцыбыскуп лвовский, бискуп луцкий, пан канцлер, их упевняли ласкою кр[олевское] его м[и]л[ости], обещающи то им, привели их до присяги, а тамъже митрополит з четырма владыками присягнул на старшинство папежу, на календар и на артикул, иж дух святый от отца и сына походит и на единство костела. И зараз в неделю езуита в соборной церкви служил имшу, а Скаркга казане поведал, а Потей службу служил у костеле в Рожейского олтара. Там же у олтара русского, где служил римлянин, в келиху вино у кров барзо шпетную смродливую обернулася, же тот езуита не поживал, а у олтаря римского у Потея вино обернулосе у простую горкую воду. Тамъже у Берестью нашолься был человек якийсь простый, который великие речы мовил, же страх слов его людей преникал, бо писмо все на паметь знает; што дивного, певне не тот, что мел у голову заходити, и напоминал, абы люди своей веры моцность держали. Тых логров, митрополита, их владык не видали, бо их не пустили римляне. Того ж дня в суботу зараз з костела пан воевода троцкий приехал до княжати, пожектнал, жалуючи незгоды и ехал до Чернавчич. А мы в неделю вси разъехалися, заварши то и запечатавши и подписавши до того письмом, албо универсалу его кр[олевское] м[и]л[ости] послалимы; ужили пана Тулевича, маршалка, а пана Еламолинского и пана Броневского, людей годных: праве два евангелицы, а третый новокрещенцов.

Року 1592, іюня по старому 11 дня, в неделю. Была брань великая, велми страшная: почавши от западних краев замков украинных Чернигов, Гомель, Любеч, Белая Церковь, Переясловль, Стрешин, Речица, Рогачов, Кричов и иных многих мест и замков в тых всих по селах и местах и mestечках немало збожя попсовала град и буря великая, а на бору, на лесе и по лугом со пчолами дерева бортное, на воде угляды згола, што дико троха застала, буря великая поламала;

яко ж на тот час давали справу и жалосно поведали, иж дей у водного мужа северского бортного дерева сто поломило, у другого двесте, у третьего триста, иж страшно о том слышати было; а дороги каждыи от села до села волостью прочищали, навет и тепер на лесах, на бору и по болотах поломатые видети много.

Яко ж тот рок 92 был урожаный: жита, овса, гречихи хотя ж не росла, але добра; пшеницу иржа побила. Цена житу была таней: чверть по грошей пять, мера жита по грошей двадцать.

Того ж року по Феофане владыще совершено на владычество Полоцкое Нафанаила Терлецкого, начальника новому календару безаконому его даному и безыменнаму. Как того зовут, кто то подал? Ни Моисей, ни Христос! И то было велми скрыто, потайнъ межи собою ховано, аж до року 96. Того ж року 92 дал господь бог видымый знак, иж у восень о Покрове на дереве лист не опал, и был зелен у восень так, як на весне; а на других деревех так и зымовал.

Року 1594. На весне заложена церков у Могилеве святого Спаса, у манастыри; была велми иконами украшена. Потом настало якоесь братство от святаго Спаса: по mestу ходили, новые церемоние чинили, не ведауг уставу святых отец, на осляти по колку рок ездили. Згорела церков святаго Спаса; жеребя волк заев; дитя, которое седело вместо Христа, то ослепло. Того ж року, весне, у Могилеве заложен костел святаго ..... на селищу Овтушка небожчика Богагого, бо пред tym у Могилеве полских костелов не бывало. Року 1594. За кроля Жигимонта Третьего, за митрополита, за владыку полоцкого Афанасия Терлецкого, за стараньем и великою piльностью его м[и]л[ости] пана хрестиянского его милости князя Богдана Соломерецкого, старости кричевского и олучицкого, и за христолюбивою женою его м[и]л[ости] княгинею Евдокиию Баркулабовною Корсаковною, а за урядниками их милости паном

Федором Глетивским сооружен и посвящен бысть храм святаго великомученика Георгия через священника боркулабовскаго Федора Филиповича и бысть поручена или подана во служение действования службы божественныя везати и решити детей духовных отцу Тимофею Алексеевичу.

Замет заметано около церкви, и келия постановлена, и монастырь заложен чернцы. Отца Афанасия его милость князь Богдан благоверный упросил, абы братия при нем была.

Был у Берестю собор року 1594.

Того ж року пан Островинский умер. Тот рок велми был мочлив, бурлив, студен; на збожье мерный был урожай.

Того ж року 94, месяца декабря 17 дня, во второк по ранной службе, у Буйничах, принявши тъло христово от рук своего духовника у светлицы Буйницкой, ее милость пани Борколабовая Паланея Крошинская того ж часу по приятию святых христовых тайн побожне, богобойне, з великим набоженством, принявши святыя тайны, душу свою господу богу предала; яко бы с полгодины на руках духовника своего была и преставися. И похована того ж року месяца мая в неделю середопостную в церкви Баркулабовской; вышней крыласа левого гроб ей бысть.

Того ж року 94. По святе велебном Нафтанаил Терлецкий, владыка полоцкий, с того света переставился. Жил на свете своего живота лет шесть. Тот помаленку уводил новый календар, бо был родом поляк и мовил по полску.

Лета божого нароженя 1595, месяца ноября 30 дня в понедело[к] за тыдень пред святым Николою, Севериян Наливайко; при нем было козаков 2000, дел 14, гаковниц. Мъсто славное Могилев, мъсто побожное, domы, крамы, острог выжгли, домов всех яко 500, а крамов з великими скарбами 400. Мещан,

бояр, людей учтивых так мужей, яко и жон, детей малых побили, порубали, попоганили, скарбов теж незличоных побрали с крамов и з домов. Тут же войско литовское Радивила троцкого, гетмана литовского, до Могилева у погоню за козаками притехнули, люду рыцерского конного, збройного, татар 4000, литвы 14 000. Над тым людом был гетманом на имя Миколай Буйвид. В той час Наливайко лежал у Могилеве две недели. Услышал о том Наливайко, иж гетман з великим людом и з делами до Могилева тягнет, тогды Наливайко з Могилевского замку на гору Илинскую, где тепер церков святаго Георгия стоит, бо на тот час не было, выехал. А так войско литовское на поли Буйницком, именю велможного его м[и]л[ости] князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олучицкого, на войско Наливайково вдали и кругом остушили. Там же зранку аж до вечера, яко бы вже к вечерни звонити час, межи собою битву мели, яко ж литва з войском великим натискали на войско Наливайкино. Пред се один другому войску мало шкоды учинили, бо великую армату, так д'ял и гаковниц, пулгаков велми при себе множество мел, также люд свой отaborив конми, возами, людом, шол моцно. Яко ж з дела с табору Наливайкины козаки пана зацнаго пана Григория Анюховского забили; первей коня под ним застрелили, а потом, выпадши с табору, козаки его самого разsekали. Тепер же литва от козаков отступивши, до Могилева на болший луп поехали, а козаки на всю ноч ехали до Быхова аж на Низ. Литва за козаками гналася аж до Рогачева, да ничего згола не вчинили козаком; а литва и татары рушилися до Минска, до Новагорода и до Вилни, набравшися тутешнаго краю лупу.

По выеханью козаков и литвы, тогды было зиме: ни зима, ни лъто, ни осень, ни весна аж до месяца мая, до святаго Афанасия, снегу не было.

А иж козаки Наливайкиного войска почали творити шкоду великою замком и паном украиного замку. Того ж року 95, з войском литовским погонивши в селе Лубни, на речце Суле, козаков побили. Первой Савулу стяли, Панчоху чвертовали, а Наливайка Северина, поймавши по семой суботе, до кроля послали, там же его, замуровавши, держали аж до осени святаго Покрова; там же его чвертовано.

Року 1596. После духа Святого поставлен на владычество Полоцкое Григорей, протопопинич виленский, назван бысть на владычестве Гермогеном. Того ж року 96, за митрополита Рагозу, за Жикгимонта Третего, за канцлера Ава Сапегу, у Берестю правдиве на соборе владыка луцкий, владыка владимирский, владыка полоцкий, иных мало не вси приступили и подписалися до нового календару. Того року почали бога просити за патриарху Гавриила Костантинопольского, 1596.

Лета божого нарож[еня] 1597 было Благовещение в пя[то]к великий. Тот рок велми был недобрый: были хоробы, болести размаитые, многие, великие; зима была лютая, снежна, на санех ездили по святе Велебном недели две. Почали оратъ пашню по святе на пятой недели и то велми было грязно; также и вода велми велика была, шкоду великою низким местом и двором, прудом починила, плоты, также и струбов много порозносила. Жита чверть купили по гр[ошей] 12, овса чверть гр[ошей] пять. Ярицу, овес того року починали сеяти на девятой недели, досевали овес и ячмень на 13 недели. Того року было Петрова посту недель 5. Тогда позная ярица высыпалася за неделю пред святым Илею, а пред се увощла; умолот был средний: ни лих, ни добр.

Року 1596. Никифор, великий протосинкел и екзарх патриаршего престолу, от всех четырех посланый престола костантинопольского со всим собором.

Понеже святая божая апостолская кафолическая церкви, сиреч патриарша, сиреч престол костантинопольский, отвержению конечному предасте митрополита киевского Михаила Рагозу и нѣкоторых еще с ним епископов его яко отступников и разорителей церкви соборное, сего ради, силою и властию святаго духа, подаем всѣм благочестивым иереем, дияконом, иже наше мудрствующим обычая и догматы на власти имети, иерейская совершати невозбранно во всей епархии и где еще ключими будут отцу Радиону, протопопе менскому, со всеми до владзы его належачими, поминающе имя патриарха Гаврилиа, донелѣже ими вместо отверженых поставленны будут епископом приимати приходящих ку соборной церкви нашей, иж хранит божественная истинная обычая и догматы, явъ известно исповедающих. Тако убо повелеваем усъм. По сем благодать божая и неизреченная милость да будет со всеми вами, иже наше мудрствующими. Писан у Берестю на съноде, року божого нароженья 1596, месяца октября 10 дня. Тут подпись по грецку: Никифор, первоседалник престола великого костантинопольского.

Гедион, епископ лвовский, власная рука.

Кирил, митрополит сербский, власная рука.

Епископ премыський, власная рука.

Никифор Тур, архимандрит киевский монастыря Печерского, власная рука.

Року 97. Во великий пост его м[и]л[ость] князь Богдан именем Исакий у месте Баркулабове почал учитися по руску грамоте и по кгрецку; а был бакаларем пан Лаврентий Зизаний, человек навченый, з места Виленского прибавленый. А родился его м[и]л[ость] князь Богдан в року 88.

За господаря кроля Жигимонта Третего, за канцлером Ава Сапеги, за митрополитом Михаилом Рагозою, за владыкою полоцким Гермогеном, за

новым календаром. За смиренiem и благословенством преосвященного святейшаго вселенского патриархи Кир Рафаила, за архиепископа его Гедеона Болобана, владыку илововскаго, также и за духовника своего отца Федора Филиповича, священника баркулабовскаго. Благоверный пан его м[и]л[ость] князь Богдан Соломерецкий, староста крычевский и олучицкий, на власном кгрунте своем Панковском и Новоселском на речце прозываемой Дашковце, на лесе-пущи сыром корени, закликавши и давши слободы, албо волности людем прихожим на год петнадцать седети волно, мед сытити, пива варити, горелку курити, заложити рачил именем своим место Богданово, на тот же час и церков, то ест храм святого, заложити рачил, на том же именью своем именованом Богданове, – также именем и сына своего князя Богдана место Богданово.

Року 1598. Того року бывали хоробы, болести многие размaitые, зима была маласнежная, а пред се рано стала, запором зышла. Того ж року пану Сапезе Алу, канцлеру литовскому, досталось старство Могилевское в держане, а от него урядником был на Могилеве Голубицкий хоружий полоцкий.

Року 1599. У вилию Рожства Христова по старому, рачил быти на чести у Баркулабове у его м[и]л[ости] князя Богдана Соломерецкого его м[и]л[ость] пан Лев Сапега з многими зацными паны велможными у месте Боркулабове. Того ж року 99, месеца генваря 6 дня у волторок, князь Петр Жижемский, староста речицкий, рачил заручити панну Крыстину у его м[и]л[ости] князя Богдана Соломерецкого, старосты крычевского и олучицкого; а веселе было року 1600, во светом Крещении в неделю.

Року 1599. Тот рок был велми меженский, албо голодный: жито куповали чверт по таляру, а мера жита по две копе без двадцати грошей; а пред се

здоровый на люди. А куповати збоже было везде много так у домах, як и в торгу, толко дорого.

Року 1599, месяца мая 27 дня, праве в семую суботу с полудня, у містечку Боркулабове пришла до церкви Боркулабовське дочка жидовки Марямки, арендарки боркулабовське, іменем Стирка; і пилне слезне упадала і просила священника боркулабовського Федора Филиповича для бога, аби була хрещена у веру християнську. Яко ж порадившися з паны постронними, з боярми, земянами, з шляхтою і з урядником боркулабовським, паном Федором Плетинським, наупоминаючи письмом святым і приводячи її до паметі, если правдиве маєш тот умысл християнкою быти, ни для малженства, абиесь мела за которого человека християнського замуж пойти, албо для лакомства маєтности, але правдиве. Оная жидовка іменем Стирка тими словами отповідала, стоячи пред церков'ю пред всіми зацьми панами і пред народом християнським: «Іж дей я, панове мої, вже давно з молодості моєї, а правдиве дей вже полтора рока, яко сама ся на то позволяла, просячи со слезами господа бога, і кладучи честний святий хрест, ложачися і вставаючи, на лиць своем, аби мне дал то видети, християнкою зостати; с хутгью і з великою радостю того прагну христову веру мети». Яко ж на завтра в день Соществия Святаго духа з народом божим і много множество панов, шляхты, людей учтивых так мужей, яко и жон и детей, яко ярмарочного часу хрещена была, у ваннъ погружена, і названо во святому хрещении іменем Елена. Того ж дня матка її Марямка с криком, с плачем, для бога просечи, приходила тут же до крестильниці, падаючи просила, аби її не хрестивши пустили, обецуючи за то великий поклон и подарок дати. Яко ж нѣкоторые мещане видели многое чарованье оное Марямки, што она

поганскими чарами египетскими дочце своей чинила: яко была везена до их милостей князей до Буйнич, оная Марямка, улезши у лазню студеную, голову открывши, волосы роспустивши, печку разметала, чаровные поганские слова говорила, проклинала, обема руками назад кивала, ноги свои везала, иного много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была.

Тот рок 99 был велми урожайный, добрый, здоровый, погодный, на всем добрый. Жито куповано четверть по грошей петнадцать, а мера по 40 гр[ошей], овса четверть по 4 гроши, мера овса гр[ошей] 16, жито, гречиха, овес, пшеница – на то на все велми был урожай добрый.

Року 1600. Того року была зима лютая и снежная. Благовещение было на святой недели в [пяток]. Почали орати по святе на четвертой недели. Того же року, месеца апреля у понеделок на святого Мартина папы римского, взявши з науки от Лаврентия зараз дано до науки латинския, до пана Максима Герасимовича Смотрицкого.

Лист от пана некоторого з рокошу выписанный о новинах рокошовых.

Новины в[ашей] м[илости] ознаймую, которые ми в тую пришлую среду праве вседаючому, на рокош с Подляша мене дошли. Препис з листу слов власных до мене писаного в[ашей] м[илости] выписую. Нешасливые новины моему милостивому пану ознаймую, же наши битву з рокошаны програли, што кролевской милости пришло людей тридцать тысячей чужоземского на помоч. Который надею великую маючи, а до того рады злое услухавши, лепце собе важечи панов рокошан, которых не было болш над пять тысячей, хотев их смерти, але они плац

отрымали. Хотя з обу сторон немало пало, але еднак стороны нашей чужеземского люду немцов немало пало. То уже битва была по выезде моем с Подвислицы, зачым тут наши мазурове и подляшане и инших воеводств бегут заразем за ознайменьем оттамътоль от панов депутатов, яко на кгвалт, яко перепис универсалу тые новины от понеделка 8 дня октобра на выезде моим тые новины принесены.

Универсал рокошовий року 1606, месеца сен[тября] 25 дня. Мы, рады и станы рыцерские, которыесмы се тут до кола зъезду рокошового, для актикованя справ Речы Посполитей, на тым рокошу намовеных, такъже и давано знать о респонсе его королевское милости на поселство от нас да не депутатоване, и тут на том местцу зоставлени суть всим их милостем коронным и в князстве Литовским обывателем ознаймуемы, иж дня вchorайшого од его королевское милости их милость панове послове нашы воротилисе и з отповедю, и з респонсем, нам всим не тylко барзо жалосnym нам, не тylко очекиванию нашему, але першим респонсем и декларациям его к[o]р[оловской] м[i]л[ости] противным, бо место того в чом есмо од его к[o]р[оловской] милости отух отрымати мелисмы, тераз згола ничего, ани наветь директум респонсум на жаден артикул не однеслисмы в овшем усим правам пригана, яко бы не слушне, неуважне, навет и непобожне в нас подане бытъ мели, ест учинена. Затым турбоване Речы Посполитой ест нам приписано и пены таковым служащие на нас с прегрозками суть захrona зась и устификованьем тым, которым от рады злыне, ад абсолютум доминум, служаще коле нашым вина была дана. А тот ест ефентия респонсум его к[o]р[оловской] м[i]л[ости] против зданю пред ним сенаторов до него, которая она рада ад абсолютум доминум служонца, которые тераз, яко иные уразы Речи Посполитой тylко

некгативе там зноша, юж праве скучечне выража, кгдыш при тым наступила резолюция талия аб ту на нас з войском натрет. А тот рокош кровию нашю обляти, их конатус наше про реипублице боно пред се взяте розервать. Также бы нам до далших консультаций и попарти прав волностей наших прийти не могло до которых консультаций, иж в респонсе нашим, на поселство коло тамтого Вижлицкого даным, одозвали мы се ту, ани кгвалтовым на нас наступом попредити и розервати хотят, если им до конца цнота зацного рыцерства в том якого не учинит встругу, которые яко мают ведомость почувают се в том, што отчизне, што волностям шляхецким на своим повинни так се декларовали, же рагей нам Реч Посполита до помочи хочет, ани ж бы на нас брони свои поднести мели, иж теды юж праве от решт иде. А иншого ратунку на тот час отчизне нашей не видимо, в[ашей] м[илости] наших милостивых панов и ласкавых братии просимо, абысте в[аша] м[илость], яко на кгвалт с тою готовостю овде посылатъ се и з оною Речи Посполитой опатроватся в[аша] м[илость] рачили бежит нас посылят тые, што суть поблизу зараз. А што одне глаголешые на день 19 месяца октября, тут под Сондомир, жебысте прибывать в[ашей] м[илости] рачили, где и респонсови его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] и той то, которой еще и некоторые прагнут о пратктыках постронных информации припагрившиес до завартя, зась сполна до пана бога згода рокошу того приступити нам прииде, а мы тым часом на той стражи будучы кгвалтови прав и волностей наших одпор давать и оным здоровем своим заставят се незанехаемо, где бысте в[аша] м[илость] нас рихлым прибытем своим, также и ратунком пенежным до затрыманя и причиненя людей служебным посыльть не занехали з рук в[ашей] м[илости] пан бог крви нашое апостеретас прав и

волносте уграчоных певне бы патрали, але и сами пострадавши милых свобод юкгум серенитатис про патрия, а на кгарлах своих носячи дни з неулютованым жалем провадити и кончти бысте мусели, а еднак мы статечне, в[аша] м[илость], против Речи Посполитое и против нам братии своее, взаемною милостю жадного не маючи вонтпеня певнисмы, же в[аша] м[и][лость] в той ледво не остатней юж то ни Речи Посполитей и нас, братии своей, отбежати не будете рачили, могучи звлаща в добрым уваженю о вси поступки зъездов прешльх с того рокошу, же ничего иншого едно што до варунку и беспеченства Речы Посполитой и целости прав и свобод наших належит, то собе ничего важачы. А з другой стороны, абы кандоре, яко щирий их противко нам поступок лацно уважити, бох гдысмы за суспициею, которою нас неслушне в огиду подавали о замыслу отгъмы пана з себе з речью самою знесли осведчат и он цъ тотже направы самой Речи Посполитой такой еднак, которая бы не проформа без скутку, але ретелною была, потребуем. Они своими артикулы нас зарутили роботе нашое, ми на прерыпенди нас хотячи отразити, зараз з инъшай меры на нас натиратти, вси поступки наши потопят, абы так зачатой окултате реймен вцале зоставал. Не занехало затым в[ашей] м[илости], паметаючи на тот звязок конфедерации прикладом продков наших, межи нами учиненую наз, которой имена свои з обовязком въры, почтивости и сумненя с подписом рук дате, се же ни в чом не отступуючи скутком и речью самою оное выпелнит и досит оному учинити будете в[аша] м[илость] хотели дагь в Сендомеру 20 дня месяца вресня, року 1606. Миколай Жебрыдовский, воевода и енерал краковский; Ян Швейковский рукою своею; Самуел Ташицкий, депутат воеводства Краковского; Войтех Сосницкий, депутат воеводства Виленского; Федор Субчавский

Проскура, депутат киевский; Петр Стабровский, кашталян пернавский рукою; Станъморский з Морска рукою своею; Иоан Сулигостовский з Сулигустова, депутат воеводства Судомирского; Станислав Стадницкий, староста жикволский, депутат воеводства Русского; Януш Радивил, маршалок зъезду рокошового; Иоан Гаръбурт с Тулщына, хоружый лвовский з Русского воеводства; Миколай Щенец Сондомирский; Войтех Страж Белахова; Одровеж, депутат повету Опочинского; Героним Прыленцкий, депутат с повету Освотиского Заторского; Ян Лемахий з воеводства Любелского; Героним Милиша, депутат воеводства Белского; Павел Рашовский з Рашова, депутат повету Высогорского; Ян Швейковский до книг подал рукою своею.

Року 1606. Ассекурация, то ест волность.

Миколай Жебрудовский з Жебрудович, воевода и енерал краковский; Ян Хоронский, снягинский староста; Януш Радивил, княжа на Биржах и Дубинках, подчаший Великого князества Литовского. Ведомо чиним всем и каждому зособно, иж мы, дознавши ласки его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] пана нашего, всъ покое и в той то Речы Посполитой замешане, абы далей до крве сполней братии нашей розлияня не пришло, а то в том, же тая ассекурация его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] под Вислицею братии нашое обывателев панов тых дать тут упевненiem с всим панским утвердили того не занехал, же на вси помноженя прав и свобод тое сполное отчизны нашое, на которое бы ся над вислицкие артикулы сталь тое Речи Посполитое вси згодитися позволит и близко пришлом сейме есть готов. Для того упевняем в том его к[о]р[олевскую] м[и]л[ость] пана нашего

милостиваго, иж люде вси пенежные, которые мы под тот час над звычай зобрали были, роспустимо и потом хоругови подносити не будем, ездов жадных и зобраня братии через универсалы иные складати не маем, и тых, которые суть через нас зложоны, не только сами занехаем, але теж и других от того отводити будем, стараючися о тое пилностию, абы тые речы в том замешаню узрушоные, успокоены били и далший узрук першой турбации в Речи Посполитой не чинили. До того ся сполне его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] так якосмы повинны зо всих сил наших приложим, што колвек будет доброго и сполного отчизне належало. В тот час до домов наших спокойне, жадных схадок большей не чинечи, розедемся и на сейми даст ли пан бог пришлым, если на нем будем, без войск и приймованя людей над звычай, яко до упокойных рад становимыссе у во всих справах Речи Посполитое зычливе и верне его к[о]р[олевской] милости радити будем, на што тое все писом нашим даем, еднак руками нашими подписаные и печатми нашыми запечетованые. Деялосе у Янове 2 у-в обозе под Ядовцем октобра первого по старому, по новому десятого, року 1606.

Року 1600. Панове волынские, панове литовские, также козаки запорозкие, змовившися и знявшися вси вкупе, волохи отгамовали, войска Могилево побили, армату отняли; воевода мултянский втек и з Мигалем, троха не поймали, и много за ним гонили аж до границы мултянское. Троха ся было успокоило. За то была дана козаком лежа у Киеве, гетманом был Самуел Кошка; лежали у Гоми, в Речицы, в Рогачове, у Баркулабове на пристанство; аж уждали. Року 1600, месяца августа 8 дня с понеделка на второк пан Лев Сапега, канцлер Великого князества Литовского, староста могилевский, албо теж за росказанем его м[и]л[ости] слуги его м[и]л[ости] пан Голубицкий, врядник Печерский, Ян Рожновский

Требухи до замку Могилевского привернули, а тое имене было от веков на манастыр Печерский Святыя Богородицы надано от княжат Буйницких по самую речку Дубровню, – то все Буйницкий кгрунт был.

Року 1600. Того року было Благовещение на святой недели у вовторок.

Року 1600, месеца септевриа 18, в че[тверто]к пан Ян Варшавский, также его м[и]л[ость] пан Лев Сапега, канцлер литовский, староста могилевский, на Москву до царя восточного князя Василия Годунова послами ходили, и з ними княжат, панов зацных множество и мешкали на Москве недель 20. Тамо ж приняли примире на год 20.

Того ж року 1600, октов[риа] 7 дня, Гермоген, владыка полоцкий, если за грех свой, албо з божого допущеня, первой того хорев у Полоцку, потом у месте Виленском лекарство поживал, там же едучи з Вилни в дорозе [в] Сморкгоинех, там же смертию ганебною живот свой скончал, смерть претерпев; яко был на пастырство дирею взлез, также в дири, в дорозе, зле живот скончал. Того ж року у самую у восень не по обычаю месяца септеврия 17 дня у волторок от западу силный великий гром был в нас и по всим сторонам велми сильно грямел, также и блискане молони было; а в ночи мороз и въгер был, а тое было прознаменование – напредъ будеш читати рок Христа 602, 603; великие болести, хоробы, также войны великие, голод, неврожай силный; было поветрие албо мор на людей перехожих, множество на Низ идучих; около тысещ 4 з голоду мужей и жон, детей пошло так, иж страшно было видети, иж на улицах, по дорогах, по гумнах, у ровех псы мертвых многих тела ели.

Року 1601. Великая война была у Вифлянтех с кролем шведским за Жикимонта Третего. Того ж року запорозкие козаки у Швецьи были, да ничего не помогли, только великую шкоду господарю вчинили,

бо место славное, место богатое Витебск звоевали, мещан побили, панны поплюгавили, скарбы побрали, многое множество людей порубали, незличоные скарбы побрали.

Того ж року 1601: По волости Могилевской гайдуков до Выфлянт выбранцов выбирали.

Того ж року 1601. За господаря кроля Жигтимонта Третего, за митрополита Потея отщепенца, за вселенского патриархи кир Рафаила, постановлено на владычество Гедиона, а первой звано его Миколаем; и тот отщепенец. Того ж року 601, месеца августа пятого дня, преставился священик Юрьевский отец Тимофей Алексеевич, а спроворвал ерейства своего год 4. Парафея его была: полмesta, село Былевичи, Ходутичи, Липовка, Панковичи, Новоселки, Тризнина слобода, село Лежнево, Богданова слобода.

Року 1601. Тот был неуставичный, то ест почали жито на хлеб жати голодные люде пред Усъкновением главы святого Иоанна Предтечи, а в копы почали жито жати на святого Симеона Столпника; и то было зерня велми мякко. А дожали жита перед Покровом за 2 недели, бо дожд уставичне шол недель 12. Яр почала высыповатися о святом Петрѣ, а по святом Покрове за две недели почали яр жати; и то было зелено. А потом после святого Симеона Столпника ок[тобра] 4 дня снег великий выпал; прето, што было пашни, ярицы, овса, пшеницы, ечмень, горох, боб, то все снегом напало, и великую яри шкоду учинило. Згола было всему недобро як збожю, также и людем; а пред се цена збожю средняя была. Яко ж и знак тому упадку збожю: в року 600 было зле, гром гримев у восень по Воззвижению честнаго креста.

Того ж року 601. Были у Швеции козаки запорозкие люду четыри тысячи, над ним был гетманом Самуель Кошка. Там же того Самуила

убито, а поховано у Києве. Нижли там у Швеции козаки запорозкие ничего доброго не вчинили ани гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, только з Швеции утекли, а тут на Руси Полоцку великую шкоду чинили, а место славное и великое Витебск звоевали, злага, сребра множество побрали, мещан учтивых порубали, и так шкоду содомию чинили горше злых неприятелей албо злых татар.

Того ж року 1601, месяца октябра десятого дня, цѣлуу неделю снег силний и кгвалтовый ишол, выпал до полголени; также и буря сильная была. Тогдаши пшеницы ярицы, овес, гречиху, горохи и вси овощы, великое множество ярицы на полях непожатые, также и копы жатые снегом позаметала метелица, иж было жалосно и страшно гледѣти и выповедити уздыханя и плачу людей убогих, пашников немаєтных. А так лежал тот снег 2 недели аж до Дмитровы суботы; яко ж з великих морозов река Днепр был замерз, и ездили по нем яко серед зимы. А потом за ласкою всемилостивого господа бога для плачу и великого уздыханя снег ростал и река Днепр росплынулся. А потом почали жати – горовати по снегу у стужу. Были теж морозы великие, огнь клали, сами грелися, иж страшно и жалосно было гледѣти: три – два человека на день ледво спнопов 40 нажнут овса албо ярицы, бо велми к земли [прилегло]. Люди убогие яр на весне жали-горевали, але вже толко для статку, а того много статками на весне сами господари свое збоже травили; маки, горохи, бобы, проса, репа – то все згола погинуло. А которые молотили ярь, зерня толко знак, а коли змелет, спечет, – то у печи испечется, а з лопаты у печи не зложит; с печи аж ополоником выберет. Также и жито велми было не умоловито; а коли муку житную у хлебе спекут, то тесто печеное солодко, а за скорину хотя ложки клади, а в печи не печется. У восени роли и жито сеяли которые старым житом, то пред се ни во што, а которые житом новым

сеяли, тые не жали. Яко ж две доле тых людей было, которыи оралы и не сеяны были. На лето куповали жито чверть по грошей 35, яры по гр[ошей] 40, пшеницу куповали чверть 40 грош[ей], овес по гр[ошей] 40, конопель чверть 20 грош[ей], горох чверть 20 гр[ошей]. А тот гнев божий был и непогода, почавши от Минска до Полоцка к Витебску, до Орши, до Мстиславля, до Пропойска, до Рогачова, Могилева, Любашаны. Потом у Речицы, в Лоеве, в Киеве, аж на Волынь добрый врожай был. А так потом много множества людей убогих з голоду на Низ з жонами и детками и з семею, што иж страшно было не только видети, але трудно было и выписати, то ест з верху з волости Шкловское, з Друцка, з Дубровны, з Круглы, з Бобря, з Витебска, с-под Полоцка, с-под Минска и з иных многих украин. Того ж року была зима злая, снеги великие и сильные были морозы. Многим людем поморозило кому ногу, кому пальцы, другому вид: уши, нос; а другие з морозу померли. А коли вже была весна в року 1602, тот наход людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати у яму [хоронили]. Хворых, голодных, пухлых многое множество, – страх видети гневу божего. А так при великих местах человека по одному у яму ховали, священники проводили. Там же, которые ишли на Низ, тые вси там померли, мало се зостало. А так мерли одни при местах, на вулицах, по дорогах, по лесах, на пустыни, при роспутьях, по пустых избах, по гумнах померли. Отец сына, сын отца, матка детки, детки матку, муж жену, жена мужа, покинувши детки свои, розно по местах, по селах разышлися, один другого покидали, не ведаючи один о другом, – мало не вси померли. А коли тот наход у ворот, албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отец з сыном, сын со отцем, матка з дочкою, дочка з маткою, брат з братом, сестра з сестрою, муж з женою, тыми словы мовили силене, слезне, горко,

мовили так: «Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, сподариня, слонце, месец, звездухно, дай крошку хлеба!». Тут же подле ворот будет стояти з раня до обеда и до полудня, так то просячи; тамже другий под плотом и умрет.

Того ж року куповали жига чверть 40 грош[ей], пшеницы чверть 50 грош[ей], овса чверть грош[ей] 38, гречихи чверть грош[ей] 40, гороху чверть гр[ошей] 40, конопель чверть 50 грош[ей], капусты ведро кислое 3 грош[и], ушаток капусты кислое 24 гр[оши], ячмень чверть грош[ей] 70. А коли варива просили, тые слова мовили: «Сподариня, перепелочко, зорухно, зернетко, солнушко, дай ложечку дитятку варивца сырого!». Того ж року 602 з ласки божей весна почалася добре, нижли до святого Юря ледво штос жито посееное почало з земли являтися, а другое усходити, и то потросе; почали орати на Страстной недели, а нѣкоторые до свята потросе маку, пшеницы поселяли.

Того ж року на Страстной недели во среду гром загrimел велми грозный з дождем и з бурею немалою. А то был знак недобрый и праве злый, бо на десятой недели того ж року 602, в четверток великий, страшный был мороз: што было цветов, то все поморозил. Правда, початок был грозный, а остаток плачливый: што было огородных речей – капуста, ботвинье, цибуля, маки, горохи, ячмень, ярица, то все мороз побил, чого в великим плачем было видети тых людей голодных, которые только огороды были засеяли, а жита не починали. У восень цена всему збожю была такова, як в року выш описан.

Того ж року 602. У восень жито посеяное велми было урунилося. З ласки божей осень были погодлива и вдячно глядѣти, – было велми зелено. Также севба позная добра была. Того ж року 602, веснъ и летъ на люди были з божего допущеня хоробы великие,

горючки, бегунки; по местах, по селах много малых деток померло.

Того ж року 602. За кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Патея отщепенца, за владыку полоцкого Гедеона, за светейшаго патриархи кир Гедиона, месеца септебря 7 дня со олторка на среду о полночи, канон Рожства Святыя Богородицы, славный пан християнски пан побожныи, церкви божай миловник, князь Богдан Соломерецкий, во святом крещении называемый Алимпей, его м[и]л[ость] староста крычовский и олучицкий, на старостве своем во граде Крычове переставился в добром сумнению и памети; а погребено при славной памети пану отцы Иване в Соломеричах в церкви святого Покрова. Того ж року князь Иван Соломерецкий у Высоцку переставился.

Року божого нароженя 1603. Были козаки запорозкие – неякий гетман на имя Иван Кудкович. При нем было люду козацкого яко 4 тисечи; брали приставство з волости Боркулабовской и Шупенской, то ест грошей коп 50, жита мер пятсот, яловиц полтораста, кобанов 50, сал свиных 100, меду пресного пудов 60, масла пудов десять, куров пятсот, сена воз триста.

Того ж року 603. В месте Могилеве Иван Кудка здал з себе гетманство козацкое для того, иж у войску великое своволенство: што хто хочет, то броит. На тот же час был выездъй от его крол[евское] милости и от панов и рад, напоминал, грозил козаком, иж бы они никотого кгвалту в месте, по селах не чинили. Перед того ж выездчого от его крол[евское] милости приносил один мещанин на руках своих д'бчину у шести летех змордованую, зкгвалчоную, ледвой живую, чого было горко, плачливе, страшно глядеть. На тое вси люди плакали, богу сотворителю молились, абы таковых своеволников вечне выгладити рачил.

По том по Иване Куцку был гетманом Иван Косый. Тые козаки брали приставства у Полоцку, у Витебску, на Орши, у во Мстиславлю, у Крычове, у Могилеве, у Головчине, у Чечерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всих местах. А на Волынью, на Подолю, у Киеве там на тот час жолнери лежали, которые з Волох выехали, яко десеть тысящ; в тых всих краех приставство брали.

Также у Минску и по всей Литве там жолнери, татарове, которые выехали з Швецией, по тых местах приставство брали. Яко ж в тых роках 600, 601, 602 великие сильные были незрожкай, также голоды, поветре, хоробы, бо в летех тых бывали лъгом великие морозы, сильные грады. У Могилеве жита четвърть куповали по грошей 40; ячмень грош[ей] 50, пшеницу гр[ошей] 50. А около Головчина, Полоцка и Витебска куповали жита четвърть по грош[ей] 60, ечменю четвърть по грошей 70, пшеницы четвърть по грошей 70. Также гречихи, конопель знаку не было, – все мороз побил. Тогда всего того насеня в Киеве, на Волынью куповали, и то потросе; ледве можный огород засеял, а на поли, по лядах, по нагноях нихто не бывал, албо редкий сеял, бо насеня ярнаго каждый мало мел. А коли козаки запорозкие назад на Низ отсоля выеждчали, тепер же великую сильную шкоду по селах, по мѣстах чинили: жонки, девки и хлопята з собою много брали. Также коней много з собою побрали. Один козак будет мети коней 8, 10, 12, а хлопят трое, четверо, жонки албо девки две албо три.

Того ж року 603. Народ божий з Низу до домов своих назад пошол – великое множество мужей, жон, детей, но еще болии тых было, которые на Низу померли. Року 603. Весна велми была студена, морозлива аж до недели Фомины; того року был святый Юрей во великую суботу. А пред се з ласки божое на весне и у восень жито на поли зелено было, яко ж с тою зеленою и зацвило на 7 недели по святе, а

никако ж пожовкло. Почали ярь сеяги до велиcodня, а досевали яри на 7 недели; хто сеял на третей недели, тые загорели, а хто сеял яр на 7 недели, того яр добра была. Житу добрый урожай был и вмолотистый чисто. Жито почали люди голодныя до Ильи святого, а дожинали в копу за тыжденъ по Или. Тот рок 603 велми был сухий, жарки; як был дожд о Дусе Святом, потом о десятой пятнице, а потом на святого Илию. Того року напал снег месеца ноембра 5 молодика и оттоле стала зима за две недели до запуст Филиповых. А потом мороз, снег, метелица великая была от Юря святаго аж до Крещения; по Крещению святом колко недель великая неуставичность; так было: если настанет месец молодый, то снег, дожд, буря, метелица, морозы, гололедица, ковзота, студень, иж трудно было выповедати; потом недели третей в пост великий у вовторок в ночы был дожд сильный, аж снег согнало и весна стала.

Того ж року 603. В месте Виленским, в Менску, у Радошковичах, на Орши, у Шклове и по иных многих замках было поветрее великое в пост Филипов; а в которых замках поветрее не было, в тых местах по дорогах, по улицах страж великую день и ночь мевали аж до Рожства Христова; а пред се господь бог тых в целости здравых заховал. А потом з ласко божое было по всим странам здорово. Теперь же з ласки божое урожай на все добрый был; жита мера копа гр[ошей], ярицы мера копа грош[ей], овса мера грошей 50, гречихи мера грош[ей] 60. А за таковое милосердие и великую его ласку честь и хвалу господу Богу воздавали, пили и ели. А которые померли, тых успоминали, плакали, жаловали и паметку творили за тых душ и за грехи их господа Бога просили, абы господь Бог не поменул грехов их. Теперь же радость великая была, иж муж жену в далеких странах нашол, отец сына, матка дети, дети матку, приятель

приятеля, ближний ближнего своего; а где который умер, от тых один одному поведал, где похован.

Року 1604. На Василя святаго, то ест новаго лета, была зима велми добра, погодлива до великого посту, а потом на пятой недели великого посту снеги, дожды великие были, аж Днепр ростекся, а снег согнало. Пред се весна непогодная была, – тогды жито у цвету мороз побил; также огурки у цвету мороз побил, яко ж на тот час у господарстве мало хто бы ся мел огурками похвалити, хотя ж их гораздо и добре кукобили; ягод, яблок, иных овощов мало ся зостало для великих дождов, морозов, градов, только грибов-абабков в лѣтіе велми много было зродило, иж кождый человек по двакрот у грибы на день ходил. Также за великими дождами около великих рек трав ни троха сена не косили. Вода вешняя стояла по святом Петре тыжденъ; а коли почала вода вешняя спадывать, яко бы три дни было. Потом большая вода дожчевая нашла; и так поведали, яко бы серед лѣта на Москве снег великий и мороз был, колко недель на санех в лѣтіе ездили. | В нас на низких мѣстах у-в огородах капусты, цыбули, яри згола погопило; и стояла вода мал не до Или святаго. Зима была велми суха, людем купецким велми шкодила, бо снег мал был. Жита, гречихи, пшеницы, овес, ечмень, горох в той цене был, яко в року 603, бо тот рок вари мало было; только грибы, ледники, опенки ели, а рыб вялых мало было для великих поводков. На люди з ласки божеъ было здорово.

Року 1605. Весна з ласки божей была добра, снег заразом согнало; жито на зиму сеяное, як было зелено у восень, также было зелено и на веснѣ; с тою зеленостю и зацвило. Пред се житу сухость была велми зашкодила, дожду мало бывало; у цвету яко у жите, так и яр мороз, сухость зашкодила; двои были усходы. Гречихи добрий урожай был и пленна была. Того року укуповали жита чверть 8 грош[ей], овса

чверть грошей 4, пшеницы чверть гр[ошей] 16, конопель чверт гр[ошей] 6; маку не было ни троха, ни цибули; чоснику и того было велми малый урожай.

Того ж року 605. У Баркулабове за Лахвою у волоки порезано через урядника пана Федора Плетинского.

Того ж року 605. Якийся знашол у краю Низовом, а звлаща у дворе князей Вышневецких, якийсь Дмитр Иванович царевич; яко ж бывши при дворе их милости панов радных и собравши войско немалое люду низовского и козаков запорозких, также люду руского множества, с тым людом поехавши, Стародуб, город московский, узял, лысты по всей Москве розослав, поведаючи себе быти царя Дмитра Ивановича московского, которого еще малого яко бы мел Годун стратити, нижли страшно и до царя Годуно принесено, але не оного Дмитра Ивановича, в него место малое дитятко, а его дивне было сковано и на Украину Низовскую было вывезено. Яко ж о того Дмитра Ивановича животе и мешканю, о бытности его, обычаех и поступках и мешканю его дивне и плачливе и трудно было выписати, яко ж история о нем ест написана по достатку у других летописцах. Яко ж не по малом часе оный Дмитр Иванович з людом, взявши град Стародуб и Москву, осел, а Годуна с царства своего Московского согнал, и не ведати где ся Годун подел. Яко ж Дмитра Ивановича познавши его Москва по давных знаках царских, был коронован царем в место отца своего Ивана, царя московского на Москве. А хотя ж и короновали его, пред се не мели со собою доброе и зуполное згоды: одна москва приймовала его за царя, а другая не приймовала. Тут же промежи ними была сильная и великая незгода и посварок и велми о нем штось дивне радили, хитре, мудре, скрыте, молчком. Радили, о чом напереде услышыте.

Року божого нарож[еня] 1606. Тот рок з ласки божей был здоров, на всем добрый, нижли рок мокрый; жито, яри плохи были, а пред се цена была яко в року 1605 описано; предные поводки были частые; сенов мало было стагку. З ласки божей было здорово также на люди.

Того ж року 1606 Дмитр Иванович, будучи ему коронованому царем на Москве, не порадившися, ани пытавшися сынов боярских, по своей ему воли, по своей мысли, послав и змовивши панну зацную за себе у пана воеводы сондомирского в Полщи; яко ж оные послы змовивши, павну привезли на Москву и самого пана сондомирского воеводу, также з ним много множество добрых, зацных панов и паней и панянок зацных, шляхетных. Яко ж того ж року 606, было веселье на Москве и было при том веселю литвы, руси и поляков, вольнцов. Поведали яко сем тысящей выбранцов, коштом великим выбранных, в злате и сребре, в жемчугу, у каменью дорогом, иж того ум человеческий сказати не возможет. Яко ж по том веселю за колко дней албо недель москва вся, забравшице и змовивши межи собою, в ночи без вѣсти беспечне, грозно вдали на палац самого царя Дмитра Ивановича и на весь почет его, так литву, русь и поляки и на пана Сондомирского. В тот час побито от москвы много множество почту царя Дмитра Ивановича, люду зацного, люду служалого рыцерского, панов зацных, шляхетных, также зацных паней, панянок; тым всим великое насилиство, посмеване, што их злый умысл мыслил, то чинили; плачливе и страшно было слышати о таковой злой пригоде тых людей учтивых, а самого царя Дмитра не ведати где ся он подел. Одны поведали, – убит, а другие поведали, – жив утек; о том никто на тот час певное ведомости не мел, а самого пана Сондомирского не згубили и з дочкою его до вязеня посадили. А которых на тот час панов не побили, тых

множество люду служалого яко убогих, так и богатых полуупивши, шаты добрые з них собравши, брони поотнимавши, нагих, босых за границу выгнавши, попускали. А то за великие прикости литовские и насмеванье полское сталося им, иж был збудовал царь Дмитр ку воли жоне своей на Москве костел полский и мниши служили службе божију, а з руских церквей великое насмеванье чинили, попов московских уруговали, з них ся насмевали, — мели то себе за великую кривду и великое зелживости своей, не хотячи у царству своем, абы была вера ляховитинская; бо в них того от веков не бывало, ани хотели того во царстве своем мети. Прето их побили, помордовали и с царства своего Московского проч выгнали, а себе на царство царем помазали Шуйского. Потом, того ж року 606, господарь, крол полский Жикимонт Третий, послал гонца своего о том до Москвы пана Яна Кгенсевского; и того там же на Москве посадили, и седел тот гонец много.

Того ж року 606, месяца июня 5. Почался починати якийсь рокош. Там же на тот рокош зъеждчалися панове руские, пруские, жомойтские, мазовецкие, подляские, волынцы, литва, поляки, згола от всих землей и поветов панове велможные, панове зацные, всяких вер, всяких языков. И стоял тот рокош у Сондомиру месяцей шесть. Яко ж там тот край выгубивши, выпалившi, спустошивши от Покрывницы две миле, и не учинивши и не постановивши ничего доброго у восень о святой Покрове розехалисе прочь. Тот рок 606 з ласки божиј добрий был, толко на фреbru много было хворых, а збожю была цена: жита мера по гр[ошей] 24, овса мера гр[ошей] 14, гречихи мера гр[ошей] 20, ечменю мера гр[ошей] 20. Той же рок 606 велми дивный был, а то в том, иж вода все лето так была велика, яко праве весне: не только летом, но и о запустех

Филиповых: раз упадет, потом прибудет, и з берегов выливалося; прето сена велми мало косили.

Року 1607. Тот рок з ласки божей был здоров на люди, также и врожай збожу середний был, также и цена збожу была: жита чверть гр[ошей] 8, пшеница чверть грошей 6, ечмень гр[ошей] 6, овса чверть грош[ей] 5, гречихи чверть гр[ошей] 4. Нижли того року 607 великая была незгода и замешане кролю с панами, паном с кролем, з рокошанами, великий бунт, забите, кровопролите; от господаря кроля на домы насылане; шляхте шкоду великую починене. Велми страшно было слышати, албо тым, где се то деяло, видети. Яко ж и конституцяя были выдали релии греческой; а потом за великою и дивными справами разорвалося. На том так не постановилося, только великое забийство, мордерство, кровопролитство поделали рокошаном; яко ж о таковом постановеню рокошанском тут же в том року 606 ест вышней описан.

В том же року 607 было великое на христвияне и немилостивое жолнерство, лупежство; по местах, по селах жолнери берестейские, жолнере кгороденские тые по волости кроловской капцизу брали, а на панских и княжеских приставство на подданых вытегали. К тому зас особливе жолнери Лисовского, жолнери Кгороденского, тые по подданых кроловских и князских, панских, шляхецких великое и немилостивое приставство, албо стацию по волостях брали яко збожем, также и пенезьми.

Того ж року 607, месяца мая, после семое суботы, ишол со Шклова и з Могилева на Попову гору якийсь Дмитр Иванович; менил себе быти оным царем московским, который первой того Москву взял, и тамже оженився. Бо тот Дмитр Нагий был напервой у попа шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришол, также у священника Федора Сасиновича Николского у селе

дети учил. А сам онъи́й Дмитр Нагий мел господу у Могилеве у Терешка, который проскуры заведал при церкви святого Николы. И приходжал до того Терешка час немалый, каждому забегаючи, послугуючи; а мел на собе одене́ье плохое, кожух плохий, шлык баряный, в лете в том ходил. А коли были почали познавати онаго Дмитра Нагого, в тот час в Могилева на село Онисковича Сидоровича аж до Пропойска увывшол. Тамже у Пропойску были его поймали, во везеню седел. А потом пан Рагоза, врядник чечерский, за ведомостю пана своего его м[и]л[ости] Зеновича, старосту чечерского, оного Дмитра Нагого на Попову Гору, то ест за границу Московскую пустил, со слугами своими его пропровадил. А коли приехал до Москвы, то ест Поповы Горы, там же его москва по знаках царских и по писаных листах, которые он, угекаючи з Москвы по замках написавши давал, – через тые уси знаки его познали, иж он ест правдивый певный царь восточный Дмитр Иванович, праведное слонце. Тут же почали радоватися, в шаты, убиоры коштовные одѣли; потом конного люду семсот до него прибегло. Тут же почал лысты писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля, Кричева, до Менска и до всих украинных замков, абы люде рьщерские, люде охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразом с Поповы Горы онъи́й Дмитр Нагий, сел мнимый царь московский, осел замок московский Стародуб. Тепер же почал ся люд гулящий, люд свово́лны́й – скоро Дмитр, то и молодцы. Якийсь наймит з Мстиславля до него пришел. На тот же час на Москве царем князь Андрей Шуйский. Тогда собравшы войско Дмитраш, и почал войну творити з Москвою и с князем Шуйским, нижли одны москвачи признавали его царем быти и самая Москва и вси болшые бояре московские, – и иныя многая москва, которая первой

его добре знала быти царем московским: ино дей якийсь вор московский, а другие поведали быти и называли его так – плут. И так до оного Дмитра Нагого москва писала быти его таким – царь вор Гриша Отрепич, рострыга. Потом зась явился другой царь на Москве именем Недведок. Тот Недведок з людом немалым сам передался на Москву царю Андрею Шуйскому. Теперь же почали войска до царя Дмитрия прибывать, войска великие, войска сильные. Отселя з Литвы Руцкий з ротою, Лисовский, Велемовский, Сапега и иных много, а з Низу роты великие: князь Вышневецкий з ротою, князь Ружинский з ротою; там же волынских, подолских зацных панов з ротами. А с Полщи пан Стадницкий з ротами великими. Там же на Москве в тот час бог ведает, что ся там деяло: места, замки малые выплендревали, але под столицею все лето стояли, много штурмов утратили, – не достали. Там же купцы шли многие з горелками, и тые великую шкоду Москве делали, – хотя купцы, и тые жолнерами себе поведали быти; яко ж оные жолнере и вси купцы, которые там на Москве были, чудно и велми дивно о цари Дмитре поведают: якось дивне у войску спрашует, иж дей у ночи не спит, толко убравшия во платье леда каковое то.

Року 1608. Летом великие и сильные войска ишли на Москву до царя Дмитра, а нам в том краю силную великую шкоду починили у стагку, а наболшай у конях. Тые то ишли жолнери, имена их описано в року 607.

Того ж року 608 разгневане божее было, много псов устеклых попсовалося, коней и людей много покусали и померли. Того ж року 608 патриарха вселенский кир Рафаил переставился. Того ж року на местце его был посвящен вселенским патриархом именем кир Неофата.

Того ж року 608 лето было мокрое, поводки были частые, мало хто при реках великих сена косил, бо и до восени поводки великие были. Того ж року 608 много деток малых з воспы померло [далее пропуск на 5 строк – прим. публикаторов].

Король Владислав ишол под Смоленск в року 1635. Шеин на тот час з войском великим под Смоленском был и кролю Владиславу поклонился и делы его, што Смоленск добывал, королю Владиславу досталися, меновите, напервей: «Однорожец», сажний три и болей – 1; «Кгранат», сажний четыри – 2; «Гладки», сажний три – 3; «Кречет», сажний три – 4; «Волк», сажний три – 5; «Царь-пушка», сажни три и болей – 6; «Коваль», сажни три – 7; «Юрей», сажни три – 8; «Пасынок», сажний два и болей – 9.

При тых и иных дел малых припроважено з Смоленска, числом всих.